
2007099437

Историко-Юридическіе Матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской.

Витебскъ 1876—1877. Вып. VII—VIII.

Отчетъ о первыхъ шести выпускахъ историко-юридическихъ матеріаловъ (см. Унив. Извѣст. 1877 года, мартъ)—мы заключили желаніемъ, чтобы Витебскіе издатели не прекращали своего въ высшей степени полезнаго труда. Съ удовольствіемъ узнаёмъ, что еще въ 1876 г. ими выпущенъ былъ 7-й томъ, а въ истекшемъ 1877 году—8-й.

Въ этихъ двухъ послѣднихъ выпускахъ уже не существуетъ многаго того, что̀, по нашему мнѣнію, составляетъ недостатокъ изданія, и что̀ мы находили въ первыхъ шести выпускахъ. Такъ, планъ изданія нѣсколько упрощенъ: каждый томъ дѣлится уже на двѣ только половины, изъ которыхъ первая занята продолженіемъ „приходо-расходныхъ книгъ города Могилева“ (за 1690 и 1691 годы). Какъ ни цѣненъ этотъ матеріалъ для исторіи экономическаго состоянія городовъ, но онъ на столько однообразенъ, что быть можетъ дальнѣйшее продолженіе изданія приходо-расходныхъ книгъ—дѣло уже излишнее. Если въ слѣдующихъ годахъ найдется въ нихъ что-либо, совершенно отступающее отъ извѣстнаго порядка полученія и расходованія городскихъ суммъ, то только извлеченія изъ нихъ такихъ мѣстъ могли бы быть допущены въ изданіе.

Вторая половина каждаго тома занята актами Могилевскаго магистрата. Актовъ изъ земскихъ книгъ уже нѣтъ. Так. обр. изданіе упорядочивается и упрощается.

И внутреннія свойства изданія измѣняются отчасти къ лучшему. Промаховъ въ опредѣленіи акта мало, хотя безъ нихъ не обходятся и

эти два выпуска; напр. на стр. 272 вып. VIII напечатано заявленіе духовенства всѣхъ церквей города Могилева о томъ, что обвиненіе предъ королемъ могилевскихъ мѣщанъ во вмѣшательствѣ въ дѣла церковныя и въ присвоеніи церковныхъ имуществъ—лишено всякаго основанія. Обвиненіе очевидно взведено уніатскою епархіальною властію на цѣлый городъ. Между тѣмъ издатели назвали этотъ актъ такъ: „Подписка клира преображенской церкви о неимѣніи никакихъ претензій къ мѣщанамъ Могилевскимъ". Въ самомъ же актѣ, въ концѣ, издатели должны были замѣтить подписи поповъ вознесенскаго, покровскаго, пречистенскаго, воскресенскаго, кузмодемьянскаго, троицкаго.

Затѣмъ выборъ актовъ для изданія далеко нельзя назвать вполнѣ и всегда удачнымъ, особенно въ седьмомъ выпускѣ; здѣсь напечатано не мало документовъ, не имѣющихъ никакого историческаго значенія; таковы напр. многочисленные судебные акты о корчемствѣ. Сверхъ того приходится повторить замѣчаніе, сдѣланное относительно первыхъ 6 томовъ: судебныя дѣла опять печатаются цѣликомъ со всѣми актами, которые были нужны для судебнаго разбирательства, но отнюдь не нужны для исторіи—(см. вып. VII, №№ 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 28 по одному дѣлу о корчемствѣ и №№, 46, 47, 48 и 49 по одному дѣлу мѣщанъ съ бурмистромъ).

Никакихъ указателей и къ этимъ двумъ выпускамъ не приложено. Перевода актовъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ, уже нѣтъ.

Не смотря на все это и въ двухъ послѣднихъ выпускахъ не мало весьма цѣнныхъ и отчасти совершенно новыхъ данныхъ для исторіи вообще и исторіи права въ частности.

По характеру актовъ, вошедшихъ въ VII и VIII выпуски, главное содержаніе ихъ относится къ городскому устройству и магдебургскому праву. Особенно эти выпуски богаты актами о цеховомъ устройствѣ и управленіи. (Вып. VII, №№: 21, 31, 64, 74; Вып. VIII, №№: 9, 13, 31, 32, 42, 45, 51, 57, 68, 73, 76, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 88; по нимъ оказывается, что въ гор. Могилевѣ существовали цехи: скорняковъ, солодовниковъ, сапожниковъ, портныхъ, оружейниковъ и проч., мясниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, шорниковъ и пр.).

Но такъ какъ съ городскимъ устройствомъ и хозяйствомъ мы знакомились при разборѣ первыхъ 6 выпусковъ ист. юридич. матеріаловъ, то теперь обратимъ вниманіе на новыя данныя относительно гражданскаго права и отчасти уголовнаго; а потомъ отмѣтимъ, что

даютъ новаго VII и VIII выпуски по исторіи общихъ вопросовъ государственнаго устройства.

Что касается до новыхъ данныхъ по исторіи гражданскаго права, то они преимущественно относятся къ праву семейному и въ частности къ праву брачному. Изъ нихъ мы почерпаемъ слѣд. совершенно новыя положенія.

Бракъ совершается посредствомъ свободнаго договора между двумя брачущимися, договора, заявленнаго предъ судебною властію (свѣтскою). Церковное вѣнчаніе можетъ слѣдовать, или не слѣдовать за заключеніемъ брака; отсутствіе этого условія не вліяетъ на законность брака. Напр. 1589 г. (Т. VII, стр. 316), предъ магистратомъ заявлена и въ магистратскихъ книгахъ записана такая „угода" между Нелидою Тишковичъ и Клишкомъ Ивановичемъ: Нелида заявила, что уже нѣсколько лѣтъ, какъ мужъ ея ушелъ на Низъ (Днѣпра), и отъ людей, которые на Низу бываютъ, она слышала, что его уже нѣтъ на свѣтѣ; поэтому она, не желая жить въ блудѣ, пошла замужъ за Клишка Ивановича. А Клишко съ своей стороны заявилъ, что онъ признаетъ ее себѣ за жену и обѣщаетъ ее содержать у себя, *намѣревается принять шлюбъ* и жить въ честномъ супружествѣ. Если же прежній мужъ ея возвратился бы съ Низу, и ввелъ бы Клишка въ какое затрудненіе относительно его брака, то она Нелида обѣщается во всемъ защищать („заступовать") Клишка, какъ своего мужа, какъ въ магистратскомъ урядѣ, такъ и духовномъ".—Упоминаемая здѣсь Нелида сама заявила суду, что она уже 4 года живетъ съ Клишкомъ и имѣла съ нимъ дитя. Отсюда слѣдуетъ, что одно сожительство по взаимному соглашенію, хотя бы и было установлено самими сторонами въ формѣ брака, не признается такимъ, пока договоръ не составленъ въ правильныхъ формахъ, т. е. съ публичностію (съ участіемъ стороннихъ лицъ) и пока не заявленъ суду. Но, съ другой стороны, бракъ считается совершенно законнымъ послѣ заявленія суду до совершенія церковнаго вѣнчанія.

На такой способъ заключенія брака указываетъ съ большею рѣшительностію слѣд. оригинальный актъ (В. VII, стр. 368): 1585 г. іюня 9 предъ магистратомъ явились мѣщанинъ могилевскій Андрей Окуличъ *съ женою своею* Марьею и просили записать въ магистратскія книги такой добровольный договоръ: „Мы по доброй волѣ сошлись было въ супружеское состояніе; но, въ настоящее голодное время, не имѣя средствъ для жизни, какъ сошлись по своей доброй волѣ, такъ по своей

доброй волѣ и распустились,—за что одинъ до другаго на вѣчное время не будемъ имѣть дѣла".

Таково было народное понятіе о заключеніи брака, признаваемое и свѣтскимъ управленіемъ (мѣстнымъ; о взглядахъ высшаго правительства не знаемъ). Духовная же власть повидимому колебалась, признавать ли ей такіе браки законными, подчиниться ли взглядамъ обычнаго права, или стоять на строгомъ исполненіи каноническихъ правилъ. О такомъ колебаніи свидѣтельствуетъ актъ 1617 г., апр. 20 (Т. VIII, стр. 345), а именно—дѣло по жалобѣ крестьянина Терешка Лютиковича на мѣщанина могилевскаго Офанаса Гридковича. Первый, именемъ сестры своей Марьи, жаловался на втораго, что онъ, женившись на сестрѣ его Марьѣ, потомъ покинулъ ее и взялъ за себя другую. На судѣ (магистратскомъ) оказалось, что отвѣтчикъ развелся съ нею Марьею предъ духовнымъ судомъ и далъ ей разводную запись. И рѣшеніе духовнаго суда и эта запись были предъявлены магистрату. Изъ перваго акта оказывается, что священникъ Нестеръ Ивановичъ, высланный отъ владыки—(мѣстный приходскій кузмодемьянскій), видя, что Офанасъ Гридковичъ живетъ *съ женою своею* „облудне", не бравши межъ собою шлюбу, хотѣлъ дать имъ шлюбъ; но они, по несогласію супружеской жизни, шлюбу взять не захотѣли и добровольно *развелись изъ супружества* („изъ малженства се доброволне розъвели"); по этой причинѣ и священникъ, *роспустивши ихъ*, далъ имъ свой листъ и жениться имъ позволилъ.—Второй актъ, предъявленный суду, т. е. разводная запись, содержитъ въ себѣ обыкновенный разводъ правильнаго супружества: „Одинъ другаго з малженства вызволившы и волного учинившы, одинъ другому женити се и замужъ ити позволили".

Отсюда слѣдуетъ, что бракъ признаваемъ былъ супругами (и обществомъ) за бракъ законный, хотя вѣнчанія не было; для расторженія невѣнчаннаго сожительства потребовался правильный разводъ. Священникъ, хотя и говоритъ, что Офанасъ и Марья жили „облудне", но называетъ это сожительство супружествомъ, сожительницу—женою и утверждаетъ совершонный супругами разводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы супруги не дали другъ другу развода, но вмѣстѣ и не приняли бы шлюбу, то духовная власть не могла бы объявить этотъ бракъ незаконнымъ.

Слѣдуетъ думать, что для свѣтской законности брака не достаточно было одного заявленія суду о заключеніи его сторонами, а требовалась

публичность совершенія брака, т. е. тѣ формы, которыя нынѣ извѣстны какъ обряды, лишенные практическаго смысла. Но на это нѣтъ указаній въ Витебскихъ актахъ. Въ нихъ есть только неоднократное указаніе, что бракъ дочери-дѣвицы заключается съ непремѣннымъ согласіемъ отца ея; этому послѣднему приписывается далѣе активная роль: отцы „шлюбуютъ“ бракъ.

Затѣмъ новые Витебскіе акты, давая мало данныхъ для опредѣленія правъ и обязанностей супруговъ, даютъ чрезвычайно обильный матеріалъ для изученія причинъ расторженія брака, признаваемыхъ тогда въ православномъ обществѣ.

Главною (и, какъ увидимъ сейчасъ, почти единственною) причиною расторженія признается обоюдная воля супруговъ, выраженная формально въ особомъ письменномъ актѣ—„роспустномъ листѣ“, явленномъ предъ судебною властію. Воля одного изъ супруговъ, какъ увидимъ, можетъ повести къ расторженію брака лишь въ одномъ случаѣ (поступленія въ монастырь).

Выше уже приведенъ образчикъ выраженія обоюдной воли супруговъ при расторженіи брака, именно въ томъ актѣ, когда супруги заявляютъ, что они какъ сошлись по своей доброй волѣ, такъ и разошлись по своей доброй волѣ. Обстоятельства, приводящія супруговъ къ такой рѣшимости — дѣло несущественное; это закулисная сторона событія лишенная всякой юридической силы. Въ упомянутомъ сейчасъ актѣ супруги мотивируютъ свой разводъ недостаткомъ средствъ пропитанія въ голодный годъ.

Обыкновеннымъ же мотивомъ развода служитъ несогласная жизнь супруговъ, при чемъ ни одинъ изъ нихъ, не обвиняя другаго въ причинахъ семейнаго раздора, не выставляетъ себя жертвою. А потому здѣсь нельзя видѣть причиною расторженія жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ. Приведемъ примѣры. 1611 г. янв. 18 (Т. VIII, стр. 314) явились предъ магистратскимъ судомъ мѣщанинъ могилевскій Остапъ Зенковичъ и Ѳедора Ѳедоровна, „которую онъ имѣлъ за собою въ супружествѣ“, и добровольно вписали въ книги слѣдующее заявленіе: они нѣсколько лѣтъ жили въ супружествѣ; но не имѣли добраго согласія между собою; а потому онъ, Остапъ Зенковичъ, нашедши здѣсь въ Могилевѣ свою жену, хотѣлъ было взять ее къ себѣ при помощи магистратскаго уряда („зъ уряду меского“), но разсудилъ, что, взявши ее, наживетъ только бо́льшихъ хлопотъ съ нею; и потому,

предупреждая затрудненія, до которыхъ, сохрани Боже, могли бы прійти съ обѣихъ сторонъ, рѣшились оба, при посредничествѣ („за выналезкомъ") пріятелей своихъ, которые это дѣло между нами устраивали („по ровнанемъ межы нами") съ обоюднаго согласія,—рѣшились войти въ сдѣлку, и одинъ другаго изъ супружескаго союза „выпустили" (освободили), такъ что онъ Остапъ Зенковичъ жену свою Ѳедору Ѳедоровну отъ себя изъ супружества вызволяетъ и чинитъ вольною на вѣчное время и никогда никакого дѣла не предъявитъ къ ней относительно этого супружества. Присутствовавшая же лично Ѳедора Ѳедоровна, чрезъ пріятеля своего Антона Харковича, заявила, что, по многимъ вышеупомянутымъ причинамъ, не имѣя доброй согласной жизни въ супружествѣ, съ вѣдома вышеупомянутыхъ пріятелей, вызволяетъ отъ себя мужа своего изъ супружества и вольнымъ чинитъ навсегда, такъ что къ нему не будетъ имѣть никакого дѣла относительно супружества. Въ представленномъ примѣрѣ есть хотя и неопредѣленный намекъ на вину одного изъ супруговъ (отказъ въ сожительствѣ); но вотъ другой примѣръ, показывающій, что къ разводу можетъ повести простое несогласіе семейной жизни, безъ обозначенія вины одного изъ супруговъ. 1606 г., февр. 22 (Т. VIII, стр. 274) могилевскій мѣщанинъ Клишко Якимовичъ и его жена Агапья заявили (и записали въ магистратскія книги), что они, находясь въ супружествѣ между собою, не имѣютъ согласной жизни („доброго мешканя"), какъ другіе люди живутъ, но уже нѣсколько лѣтъ чинятъ докуку магистратскимъ властямъ, и между собою живутъ непристойно, не извѣстно, по Божіему ли попущенію, или по винѣ („зъ направы") лихихъ людей; предупреждая, чтобы отъ такой несогласной жизни не дошло у нихъ до чего-нибудь лихаго, заявляютъ: онъ, Клишко Якимовичъ, по упомянутымъ причинамъ, жену свою навсегда чинитъ вольною отъ супружества; а она Агапья Ивановна, также по своей доброй волѣ, заявляетъ, что мужа своего навсегда вызволяетъ изъ супружества и отъ себя чинитъ вольнымъ. Затѣмъ просили магистратскій урядъ, чтобы онъ, принявши къ свѣдѣнію это ихъ заявленіе, утвердилъ ихъ условіе.

Свободная воля доминируетъ и въ томъ случаѣ, когда разводъ опредѣляется по другимъ причинамъ, допускаемымъ каноническими правилами.

Такъ, причиною развода можетъ служить прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ; но не это преступленіе опредѣляетъ разводъ, а взаимное

согласіе супруговъ послѣ этого разойтись навсегда. Этимъ объясняется та видимая странность, что, послѣ предъявленія суду достаточныхъ доказательствъ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, слѣдуетъ взаимное условіе между мужемъ и женою, при чемъ оба, какъ правый, такъ и виноватый взаимно освобождаютъ другъ друга отъ супружеской связи. 1610 г. марта 24 (Т. VIII, стр. 294—300) архіеп. полоцкій Гедеонъ далъ разводъ мѣщанину могилевскому Богдану Лукъяновичу съ его женою Улитою по слѣд. причинамъ. Мужъ ея жаловался духовному суду и показывалъ, что жена, забывъ стыдъ людской и свою присягу, которую принесла ему, какъ своему супругу, вступая въ союзъ супружества, въ текущемъ 1610 году, марта 22, во время бытности въ Могилевѣ и въ домѣ его запорожскихъ козаковъ, съ ними предъ глазами его чинила постыдный грѣхъ чужеложства; потомъ, забравши всю маетность, утекла отъ него съ тѣми же запорожскими козаками и тѣмъ привела его въ убожество; сверхъ того похвалялась (угрожала) на его здоровье въ присутствіи генерала повѣта Оршанскаго и тѣхъ же козаковъ, участниковъ ея прелюбодѣянія. Сами эти козаки говорили ему: „Знай же ты, хозяинъ нашъ Богданъ, что жена твоя Улита съ нами тутъ въ твоемъ дому блудъ и чужеложство чинила и сказала намъ, что она, забравши всю твою маетность, уйдетъ съ нами отсюда“.—Затѣмъ и дѣйствительно ушла съ козаками въ Москву, въ отсутствіе изъ дома мужа. Все это онъ засвидѣтельствовалъ чрезъ вознаго и записалъ въ гродскихъ Оршанскихъ книгахъ, изъ которыхъ выпись и представилъ духовному суду. Сверхъ того мужъ представилъ духовному суду еще пять такихъ же документовъ изъ книгъ Оршанскихъ и просилъ, чтобы судъ, освободивъ его отъ той жены изъ супружества, позволилъ ему вступить въ бракъ съ другою. Судъ словесными объясненіями и письменными доказательствами убѣдился, что жена творила прелюбодѣяніе неоднократно, о чемъ сами козаки, ея сообщники, заявляли генералу повѣта Оршанскаго, что она, повинившись въ своемъ преступленіи, дала было мужу „тѣлесную присягу“ въ томъ, что впредь грѣшить не будетъ, а потомъ и учинила грѣхъ съ запорожскими козаками. Итакъ духовный судъ признаетъ, что Улита осквернила и осплюгавила священное состояніе супружества „чиномъ блуднымъ“, а потому мужъ ея воленъ отъ супружества и можетъ вступить въ новый бракъ. Но при этомъ самъ мужъ добровольно обязался не вступать въ бракъ до Рождества Хр. текущаго 1610 года.

Так. обр. расторженіе брака уже совершено подлежащею властію на основаніи доказаннаго обвиненія въ прелюбодѣяніи.

Между тѣмъ послѣ этого, именно 10 мая того же года (ibid. стр. 294) явились предъ магистратскимъ урядомъ тѣже Богданъ Лукъяновичъ и его жена Улита Семеновна и заявили (для записи въ магистратскія книги): она Улита—, что, находясь немалое время въ супружествѣ съ Богданомъ, не угождала своими послугами мужу, какъ слѣдуетъ доброй женѣ, а занималась своею „своевольностію", отъ которой удержаться не можетъ,—что поэтому, при посредничествѣ добрыхъ людей, именно отца ея Семена Ѳедоровича и пріятелей родныхъ Тимоха Ширеевича и Томаша Михайловича, въ присутствіи также другихъ людей добрыхъ, заключила условіе („угоду взяла") „съ бывшимъ мужемъ своимъ" Богданомъ, по которому вызволила его изъ супружества и учинила вольнымъ навсегда, получила свое приданое и сверхъ того мужъ ей далъ 24 копы грошей, и так. обр. удовлетворилъ ее во всемъ; почему она *квитуетъ* его, такъ что ни она сама, ни ея отецъ и никто изъ другихъ близкихъ кровныхъ „повиноватыхъ" ея не будетъ имѣть къ нему никакого дѣла ни о супружествѣ, ни о чемъ другомъ. А если бы она Улита Семеновна, забывши добровольное условіе свое, стала бы звать его, бывшаго мужа ея, къ какому бы то ни было суду относительно супружества или о чемъ другомъ, то должна будетъ заплатить въ пользу войта могилевскаго 100 гривенъ грошей, на городской урядъ еще 100, а сторонѣ противной—шкоды и наклады. И послѣ того настоящее условіе навсегда сохраняетъ свою силу.—Онъ же Богданъ Лукъяновичъ заявилъ: узнавши, что Улита, бывшая съ нимъ въ бракѣ, вела себя неучтиво и непристойно, и впередъ не могла себя вести иначе, по просьбѣ ея, „своей бывшей жены", также отца ея роднаго и иныхъ людей добрыхъ, присутствовавшихъ при этомъ договорѣ („на той справѣ будучихъ"), ее, бывшую жену, изъ состоянія брака вызволяетъ и чинитъ вольною навсегда, и ни онъ, никто изъ близкихъ, кровныхъ и „повиноватыхъ" его, не будетъ имѣть никакихъ претензій къ ней относительно брака или чего-либо другаго.

Итакъ бракъ, расторгнутый духовною властію, расторгается вновь взаимнымъ договоромъ супруговъ. Очевидно, предшествующее рѣшеніе духовнаго суда, о расторженіи брака по причинѣ прелюбодѣянія, не признавалось достаточнымъ для обычнаго сознанія о правильности развода. Отсюда не слѣдуетъ заключать, что тогдашній взглядъ на прелю-

бодѣяніе былъ очень снисходителенъ. Ист. юрид. матеріалы содержатъ въ себѣ смертный приговоръ обоимъ соучастникамъ въ прелюбодѣяніи (1619, марта 14; Т. VIII, стр. 347).

Равн. обр. и другія каноническія причины расторженія брака, напр. неспособность къ брачному сожительству, не вели сами собою къ расторженію брака, а также требовали обоюднаго условія о расторженіи. 1589 г. іюля 15 (Т. VII, стр. 473), предъ магистратомъ Могилевскимъ явились съ одной стороны мѣщанинъ Гришка Яцковичъ, съ другой Иванъ Семеновичъ Клыпачъ съ дочерью своею Гасютою и по своей доброй волѣ заявили (для записи въ книги) такое условіе: Гришка Яцковичъ заявилъ, что онъ имѣлъ въ бракѣ дочь Клыпача Гасю не малое время, но не имѣлъ съ нею такихъ отношеній, какія бываютъ между мужемъ и женою, потому что не былъ способенъ „на учинокъ свой мужскій“; а поэтому Гасюта жила съ нимъ не въ добромъ согласіи, и, не находя въ немъ той способности, не одинъ разъ прочь уходила и жаловалась духовному суду. Въ слѣдствіе этого онъ жену свою изъ брака отъ себя вызволяетъ и чинитъ вольною; вольна она за другаго мужа идти; а онъ къ ней никогда никакой претензіи имѣть не будетъ.—Съ другой стороны отецъ Гасюты, именемъ ея, заявилъ, что она, по причинѣ неспособности мужа, отъ брака чинитъ его вольнымъ, позволяя ему жениться на другой женѣ, „если будетъ на то способенъ“, и ни отецъ, ни сама она, никто изъ пріятелей никакого дѣла до него имѣть не будетъ. Но, послѣ записи этого условія, магистратъ добавилъ, что если кто-нибудь изъ нихъ захочетъ вступить во второй бракъ, то долженъ взять благословеніе отъ уряду духовнаго.

Выше былъ приведенъ актъ, по которому безвѣстное отсутствіе супруга само по себѣ не ведетъ еще къ прекращенію брака и второй мужъ опасается притязаній перваго, если этотъ возвратится изъ долговременной безвѣстной отлучки. Но есть и другой актъ, прямо выражающій тоже начало. А именно: 1623 г. февр. 8 (Т. VIII, стр. 375—376) гайдукъ гетмана Ходкевича заявилъ Могилевскому магистрату, что онъ былъ женатъ въ Могилевѣ на Ходосьѣ Андреевнѣ, жилъ съ нею не малое время, но потомъ пошелъ на службу, гдѣ и схваченъ былъ злыми руками татарскими и нѣсколько лѣтъ содержался въ землѣ Татарской. Въ то время жена, не дожидаясь его, пошла за другаго мужа Ѳедора Короткаго. Онъ, не желая имѣть ее за жену свою и не привлекая ее за то къ уряду, вызволяетъ ее изъ брака и квитуетъ навсегда,

такъ что на все будущее время отказывается отъ права заявлять на нее претензіи и привлекать къ уряду.—Присутствуя лично предъ урядомъ, *жена его* добровольно заявила, что и она никогда не будетъ имѣть претензій къ своему мужу.—Здѣсь опять мы имѣемъ предъ собою фактъ, повидимому нелѣпый: расторженіе перваго брака слѣдуетъ за заключеніемъ втораго. Жена, вышедшая уже во второй разъ за-мужъ, входитъ въ условіе съ первымъ мужемъ и въ этомъ условіи титулуется еще его *женою*. Но разгадка этой кажущейся нелѣпости въ томъ, что никакая причина не ведетъ къ расторженію брака безъ взаимной воли супруговъ.

Единственное основаніе для отступленія отъ этого принципа обоюднаго согласія представляетъ расторженіе брака вслѣдствіе намѣренія одного изъ супруговъ поступить въ монашество. Тогда другой супругъ долженъ безпрекословно подчиниться волѣ перваго. Въ такомъ случаѣ и актъ развода принимаетъ форму односторонняго отказа отъ брака и освобожденія другаго изъ супружеской зависимости. Такой актъ носитъ техническое названіе—„вызволеніе зъ малженства" (тогда какъ актъ, выражающій обоюдную волю супруговъ, называется „розводъ"). Напр. 1609 г. августа 8, Алена Костевна заявила Могилевскому магистрату, что она, давно состоя въ бракѣ съ Ѳедоромъ Семеновичемъ Лункомъ и живя съ нимъ „учтиво", въ настоящее время сдѣлалась больною и не можетъ уже жить съ нимъ въ супружествѣ и служить ему,—а потому должна удалиться „на покуту" и хочетъ быть черницею. Вслѣдствіе этого она увольняетъ упомянутаго Ѳедора Семеновича изъ супружества съ нею, такъ что онъ можетъ вступить въ другой бракъ съ иною; а она Алена не будетъ имѣть къ нему никакихъ дѣлъ (Т. VIII, стр. 285).

Но бракъ не можетъ быть расторгнутъ одностороннею волею супруга по одному *намѣренію* вступить въ монашество; къ этому ведетъ лишь дѣйствительное вступленіе въ него. 1598 г. янв. 12 (Т. VIII, стр. 255) мѣщанинъ Яцко Конашевичъ жаловался Могилевскому магистрату на своего тестя, къ которому ушла его жена Марья, и онъ—тесть не выдаетъ ему Яцку жены его „властной вѣнчальной", вопреки приказанію уряда. Отвѣчая на искъ, тесть предъявилъ суду актъ развода, совершеннаго духовнымъ судомъ, по взаимному согласію супруговъ, съ тѣмъ, чтобы ни мужъ, ни жена не вступали во вторичный бракъ, потому что жена обѣщалась остаться „въ чистотѣ" и поступить

въ черницы. Оказалось, что самъ мужъ при разводѣ не былъ, а именемъ его дѣйствовалъ на духовномъ судѣ его отецъ. Убѣдившись въ магистратѣ, что разводъ дѣйствительно былъ, мужъ соглашается на него, но съ тѣмъ, чтобы жена его дѣйствительно шла въ черницы и проситъ магистратскій судъ назначить ей для того срокъ. Магистратъ постановляетъ: жена, въ теченіи двухъ лѣтъ, можетъ жить въ домѣ отца; этотъ срокъ дается ей „на размышленіе“—идти ли ей послѣ того въ черницы, или возвратиться къ мужу для продолженія супружеской жизни. По прошествіи двухъ лѣтъ, при принятіи того или другаго рѣшенія, стороны должны будутъ обратиться къ духовному суду. Здѣсь магистратскій судъ, очевидно, перерѣшилъ приговоръ духовнаго суда о разводѣ; онъ постановилъ продолженіе брака еще на два года и установилъ на это время лишь раздѣльное жительство супруговъ.

Черезъ два года, именно въ 1600 г. янв. 29 (Т. VIII стр. 258), стороны опять явились предъ магистратскимъ судомъ. Яцко Конашевичъ (мужъ) заявилъ суду, что отецъ его жены не выполнилъ прежняго приговора, состоявшагося въ магистратѣ: жена истца (дочь отвѣтчика) не поступила въ черницы и онъ—тесть смотрѣлъ за нею не такъ, какъ „шлюбилъ“ (обязался). Поэтому отецъ требовалъ выдачи ему жены его властію магистрата. Изъ отвѣта другой стороны оказалось, что за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, именно 20 окт. 1599 года, предъ судомъ духовнымъ (протопопомъ и десятильникомъ могилевскимъ) состоялся *вторичный* актъ развода якобы по взаимному согласію супруговъ. На это истецъ замѣтилъ, что ни онъ—мужъ, ни его отецъ не были предъ десятильникомъ могилевскимъ и объ этомъ новомъ разводѣ ничего не знаютъ. Между тѣмъ магистратъ получилъ отъ десятильника формальное увѣдомленіе, что такой вторичный разводъ дѣйствительно состоялся. Дѣло, наконецъ, было перенесено на судъ Полоцкаго (епархіальнаго) владыки и чѣмъ окончено—неизвѣстно.

Очевидно, что не только магистратъ не призналъ перваго расторженія, постановленнаго духовнымъ судомъ, за окончательное. но и самъ духовный судъ раздѣляетъ туже точку зрѣнія, совершивъ вторичное расторженіе уже расторгнутаго имъ брака. Причина та, что предполагаемое условіе расторженія—вступленіе жены въ монашество,- ею не выполнено.

Таковъ примѣръ дѣйствительнаго исключенія изъ принципа обоюдной воли супруговъ, какъ главнаго основанія для расторженія брака.

Но есть примѣры и прямаго исключенія изъ этого принципа. Согласіе супруговъ на расторженіе брака можетъ быть выражено ихъ дѣйствіями и главн. обр. раздѣльнымъ жительствомъ другъ отъ друга. 1614 г. апр. 28 (325) архіепископъ Полоцкій разбиралъ дѣло по жалобѣ могилевскаго мѣщанина Ждана Кузминича Авусовича, на тестя его Ивана Чорнаго, въ томъ, что во время отсутствія истца изъ Могилева въ „обозъ Дмитра, который се называлъ царемъ Московскимъ", по дѣламъ торговымъ, отвѣтчикъ взялъ изъ его дома жену его Ганну и увезъ въ свой домъ въ Бѣлыничи. Потомъ нѣсколько разъ отдавалъ дочь свою ея мужу—истцу, а теперь уже третій годъ удерживаетъ у себя его жену „шлюбомъ объвежоною (обязанную) и вѣнчальную", а равно и забранное съ нею имущество. Истецъ проситъ или заставить вернуть ему жену, или позволить жениться на другой. Отвѣтчикъ—тесть къ суду архіепископа не явился и дочери не поставилъ; поэтому состоялся заочный приговоръ, а именно: Иванъ Чорный, за непослушаніе суду (неявку), отлучается вмѣстѣ съ дочерью отъ церкви и предается „анафтамѣ"; для выдачи дочери мужу ея назначается ему десятинедѣльный срокъ; затѣмъ, если въ означенный срокъ выдача не послѣдуетъ, тогда позволяется Ждану жениться на другой; „а тотъ грѣхъ нехай будетъ на того Ивана Чорного, который есть причиною до разрываня и розлучаня того стану святого малженского".

Здѣсь желаніе расторгнуть бракъ предполагается со стороны жены; со стороны же мужа не было прямаго выраженія этого желанія. Поэтому и судъ, подчиняясь неопредѣленности въ выраженіи воли супруговъ, постановляетъ условное расторженіе, или точнѣе позволяетъ мужу жениться на другой, не расторгая перваго брака формально.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что выраженіе: „взаимная воля супруговъ" при расторженіи брака (какъ и при заключеніи) нужно понимать еще и въ томъ ограничительномъ смыслѣ, что расторженіе совершается при дѣятельномъ участіи родителей обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ приведенныхъ случаевъ (къ сожалѣнію недостаточно выяснившійся въ актахъ) указываетъ, что иногда согласіе о расторженіи дается отцомъ мужа безъ вѣдома этого послѣдняго. При всѣхъ же прочихъ случаяхъ отцы мужа и жены являются дѣятельными соучастниками сдѣлки, въ особенности отцы женъ. Форма заключенія сдѣлки о расторженіи брака требуетъ еще участія „людей добрыхъ", обыкновенно родственниковъ мужа и жены. Эти посредники, своими переговорами и совершаютъ эту „справу", а затѣмъ являются свидѣтелями ея на судѣ.

Какой власти принадлежитъ право утверждать сдѣлку о расторженіи брака? Витебскіе акты заключаютъ въ себѣ примѣры утвержденія сдѣлки магистратомъ и утвержденія ея духовнымъ судомъ. Иногда магистратъ, принявши условіе къ записи въ книги, отсылаетъ стороны къ духовному суду. Въ одномъ изъ приведенныхъ выше актовъ содержится интересное основаніе для догадки, когда магистратъ можетъ утвердить такую сдѣлку окончательно и когда, напротивъ, требуется санкція духовнаго суда; а именно въ 1589 г. (Т. VII, стр. 473), магистратъ, допустивъ разводное условіе къ записи въ свои книги, добавляетъ отъ себя, что если кто-нибудь изъ супруговъ пожелаетъ вступить во второй бракъ, то долженъ обратиться къ духовному суду. Изъ этого бы можно заключить, что всякое расторженіе брака, при которомъ не выговорено право супруговъ вступать въ новые браки, могло быть скрѣплено свѣтскимъ судомъ. Но едва ли такой выводъ не будетъ поспѣшнымъ: мы имѣемъ въ ист. юридич. матеріалахъ и такіе договоры о расторженіи, въ которыхъ присутствуетъ это условіе, и которые между тѣмъ утверждены магистратомъ безъ всякихъ признаковъ участія въ этомъ дѣлѣ духовнаго суда.—Далѣе можно бы было предположить, что браки не вѣнчаные расторгаются съ утвержденія свѣтской власти; но мы имѣемъ одинъ актъ, по которому и такой бракъ былъ расторгнутъ съ утвержденія духовной власти.

Можно думать, что практика по этому вопросу не вполнѣ еще установилась и многое зависѣло отъ воли сторонъ,—къ какой власти обращаются онѣ сами.

Для окончательнаго же рѣшенія вопроса подождемъ новыхъ данныхъ.

Въ отношеніи къ другимъ сторонамъ гражданскаго права новые выпуски ист. юридич. матеріаловъ содержатъ немного актовъ, дающихъ новыя данныя. Но не можемъ не обратить вниманія на актъ, напечатанный въ VII томѣ (стр. 374—417)—жалобу мѣщанина Кислаго войту на магистратскій судъ. Это дѣло содержитъ въ себѣ интересный примѣръ корреальныхъ сдѣлокъ въ древне-русскомъ обычномъ правѣ. Кислый съ другимъ содолжникомъ (Иваномъ Алексѣевичемъ) обязались пану Дыбовскому уплатить на извѣстный срокъ 58 копъ и 40 грошей. Взысканіе обращено къ одному Кислому, который и уплатилъ какъ самый долгъ, такъ и шкоды и наклады. Къ дѣлу приложенъ и самый актъ обязательства,—гдѣ отношенія содолжниковъ выражены так. обр.:

„Я. Максимъ Семеновичъ (Кислый), а я Иванъ Олексѣевичъ, подъданые господарскіе, мѣщане места могилевскаго, два нас за одинъ человекъ, одинъ по другимъ поручившыся, вызнаваемъ..., ижъ взяли и позычили“... Изъ процессуальнаго хода дѣла оказалось, что кредиторъ могъ по произволу обратить взысканіе какъ къ обоимъ содолжникамъ, такъ и къ одному изъ нихъ по собственному выбору, и что уплатившій должникъ сохраняетъ право регресса къ содолжнику.

Тотъ же актъ содержитъ не маловажныя указанія на способы взысканія, на выдачу несостоятельнаго должника кредитору для отработки долга, на обезпеченіе долга раньше наступленія срока порукою (при чемъ кредиторъ имѣетъ право потребовать этой поруки, а за неимѣніемъ ея посадить должника, еще до наступленія срока уплаты, въ тюрьму), на отличіе нѣмецкаго права отъ обычнаго относительно допущенія неустойки (по обычному праву допускается по неуплатѣ въ срокъ „Совитость“ —двойная уплата, по муниципальному не допускается; но въ данномъ случаѣ кредиторъ потребовалъ, и судъ призналъ сумму проторей и издержекъ въ количествѣ, совершенно равномъ суммѣ долга). Для исторіи уголовнаго права новые выпуски Витебскихъ актовъ не сообщаютъ такихъ характерныхъ данныхъ для внутренней исторіи самыхъ уголовныхъ понятій; но многіе изъ нихъ замѣчательны съ другой точки зрѣнія; такъ, въ обоихъ выпускахъ напечатана масса смертныхъ приговоровъ по разнымъ преступленіямъ,—иногда вовсе не тяжкимъ. При каждомъ изъ этихъ приговоровъ есть отмѣтка о дѣйствительномъ его исполненіи. Таковы приговоры: за кражу лошади (Вып. VII, №. 17), за кражу двухъ кафтановъ (№. 42), за святотатство (№. 71), опять два приговора за святотатство (Вып. VIII, №. 20, и 21) за кражу (№. 19), еще за кражу (№. 28), за нарушеніе общественнаго спокойствія въ городѣ (№. 37), за убійство (№. 41), еще за святотатство (№. 43), за прелюбодѣяніе (№. 50), еще два приговора за кражу (№. 52 и 54), еще за убійство (№. 53), заочный приговоръ за поджогъ (№. 72). Итакъ въ одномъ городѣ, на незначительномъ пространствѣ времени, 15 смертныхъ приговоровъ; но это только то число ихъ, какое заблагоразсудили напечатать Витебскіе издатели и ни откуда не слѣдуетъ, чтобы въ дѣйствительности ихъ не было больше. Любопытные выводы, которые можетъ вывесть изъ этого факта изслѣдователь, касаются сравненія муниципальнаго нѣмецкаго права (дѣйствовавшаго въ городахъ) съ общимъ государственнымъ правомъ (Литовскимъ Ста-

тутомъ), основаннымъ на національныхъ источникахъ. Многія изъ упомянутыхъ здѣсь преступленій по существу своему, а другіе по обстоятельствамъ ихъ совершенія, по Литовскому Статуту не ведутъ къ смертной казни. При томъ извѣстно, что эта казнь, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она положена по закону, на практикѣ примѣнялась общими судами довольно рѣдко. Городскіе суды, какъ сказано, дѣйствительно выполняютъ ее во всѣхъ опубликованныхъ приговорахъ.

Въ заключеніе не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ изъ такихъ актовъ разбираемыхъ двухъ выпусковъ, въ которыхъ содержится дальнѣйшее разъясненіе понятій государственнаго права, отмѣченныхъ нами при разборѣ первыхъ шести выпусковъ.

Jus patronatûs, важность котораго для исторіи церковнаго и государственнаго права мы указывали тогда, уясняется весьма рельефно и въ нѣсколькихъ интересныхъ актахъ VII и VIII томовъ. То или иное отношеніе государства къ церкви всего яснѣе выступаетъ въ низшей единицѣ церковнаго устройства—приходѣ. Какъ относятся прихожане къ своей церкви?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ часто служитъ отвѣтомъ на общій вопросъ: какъ относится государство къ церкви? 1590 г. іюля 22, троицкимъ за-Днѣпровскимъ попомъ Павломъ Григорьевичемъ занесена была въ Могилевскій магистратъ жалоба такого рода (Т. VII. стр. 496): онъ, попъ Павелъ, владѣетъ церковію Св. Троицы за Днѣпромъ на потомственномъ правѣ („правомъ дѣдизнымъ“): еще со времени дѣда его,—стараго попа Самуила Ивановича, родъ его спокойно „держалъ“ эту церковь какъ отъ мѣщанъ, такъ и отъ волощанъ села Онисковскаго,—прихожанъ этой церкви. Но вчера, когда зазвонили къ вечернѣ, нѣкоторые изъ мѣщанъ, а именно Ермола Алексѣевичъ, двое Пигоренковъ, Сидоръ Бобровникъ и другіе „поплечники“ ихъ, отняли у него, попа, церковный ключъ, ризы, книги и всякіе церковные сосуды и поручили церковь другому попу, именемъ Овдею Тишковичу. Неизвѣстно, какъ бы разрѣшилъ эту жалобу магистратъ, если бы всѣ прихожане дѣйствовали единодушно. Но оказалось, что такъ распорядилась только одна партія ихъ; другая же явилась сама въ магистратъ и заявила, что „братья ихъ“ чинили то безъ ихъ вѣдомости и отняли церковь безъ позволенія ихъ, чего они терпѣть не хотятъ. Магистратъ послалъ съ ними городскаго слугу, который, возвратившись, донесъ, что, по словамъ Ермолы Алексѣевича и его поплечниковъ, церковь отъ попа Павла отняли за то, что ихъ мѣщанъ не чтилъ и ни въ чемъ послуш-

нымъ быть нехотѣлъ, обходился съ ними гордо и говорилъ: „Я—де не обращаю на васъ, мѣщанъ, вниманія, не отъ васъ я имѣю церковь, а отъ господаря короля его милости и содержаніе отъ господаря получаю“. Теперь прихожане забываютъ все это и, условившись всѣ вмѣстѣ, какъ мѣщане, такъ и крестьяне, возвращаютъ церковь изгнанному попу, подъ условіемъ: „не будь же такъ пышнымъ и гордымъ“, и поступаютъ ему эту церковь въ пожизненное владѣніе.

Здѣсь столкнулись три права на церковь: потомственное право священника, право прихожанъ и право короля.

Съ возникновеніемъ уніи, въ этой цѣпи лицъ и учрежденій, имѣющихъ право на церковь, появилось еще нѣсколько звѣньевъ. Такъ частныя лица, основывая церковь, отдаютъ ее подъ присудъ магистратскаго уряда, или иначе во власть цѣлаго города. Это дѣлается очевидно по той причинѣ, что фундаторъ надѣялся, что городъ останется вѣрнымъ православію и будетъ надежнымъ защитникомъ церкви отъ обращенія ся въ унію. Такъ 1605 г. мая 27 (Т. VIII, стр. 270) райца и мѣщанинъ гор. Могилева заявляетъ, что онъ основалъ церковь Воскресенія на городской землѣ, снабдилъ ее всѣмъ и досталъ священника, признающаго власть Константинопольскаго патріарха. Вѣроятно при жизни своей онъ Тимоѳей Гапоновичъ и былъ безконтрольнымъ распорядителемъ церкви. Но на случай своей смерти, для того чтобы церковь вѣчно оставалась при заведенномъ имъ порядкѣ, онъ рѣшился передать ее въ „моцъ и владзу и шафунокъ“ магистрата. Магистратъ, принявши этотъ даръ, объявилъ, что „онъ, врадъ, такъ и вся речъ посполитая (городское общество) того отъ него зъ надания принявши, тую церковъ зо всимъ на все заразъ въ моцъ и въ оборону свою пріймуемъ и ею опекати маемъ“.

Что такое привлеченіе цѣлаго города къ опекѣ надъ церковію направлено было противъ уніи, это доказывается тѣмъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1609 г., одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, кузмодемьянскій попъ Нестеръ Ивашковичъ выхлопоталъ у короля грамоту, по которой Воскресенская церковь должна быть передана ему и его отцу. Но магистратъ отказался выполнить королевскую грамоту, потому что церковь принадлежитъ всему городу и выстроена не на замковой или кузмодемьянской землѣ, какъ фальшиво показали королю претенденты, а на землѣ городской—(Т. VIII, стр. 284).

Потомъ, въ 1627 г. (см. Т. VIII, стр. 420) могилевцы выхлопо-

тали у короля декретъ, чтобы по крайней мѣрѣ двѣ церкви Воскресенская и Покровская, оставалась за ними (для православнаго богослуженія), такъ какъ всѣ остальныя превращены въ унію. Но уніатскій архіепископъ Полоцкій Антоній Селява успѣлъ въ 1628 г. передѣлать это рѣшеніе и выхлопоталъ у короля новую грамоту, по которой декретъ 1627 г. объявленъ ничтожнымъ, и возстановленъ приговоръ о подчиненіи всѣхъ церквей епархіальной (уніатской) власти, постановленный по поводу тяжбы съ Могилевомъ Іосафата Кунцевача (см. въ разборѣ первыхъ 6 томовъ).

Итакъ съ возникновеніемъ уніи въ отношенія прихожанъ къ церкви вмѣшиваются съ одной стороны муниципальная, а съ другой епархіальная власть. Прежняя стройность отношеній, существовавшая безъ опредѣленій правъ точными законами, нарушилась; самыя отношенія сдѣлались предметомъ судебныхъ споровъ. Вообще же живая связь прихода съ церковію разрушена.

Но возвратимся къ нормальнымъ отношеніямъ прихода къ церкви, какъ рисуютъ ихъ новые акты ист. юрид. матеріаловъ.

Прихожане избираютъ священника, вводятъ его во владѣніе церковію; они даже его и смѣщаютъ.—Прихожане опредѣляютъ посредствомъ договоровъ обязанности священника въ отношеніи къ церкви и приходу (см. „договоръ клира Ильинской церкви съ прихожанами“, 1615, апр. 6 въ Т. VIII, стр. 334 и такой же договоръ Крестовоздвиженской церкви 1616, февр. 22, ibid. стр. 338). По этимъ договорамъ священники обязываются: 1) служить въ субботніе, воскресные и праздничные дни; 2) совершать требы безъ отказу, не торговаться за нихъ, но брать только то, что кому Богъ на сердце положитъ; 3) не выносить изъ церкви, не отдавать въ займы, не закладывать и не продавать церковныхъ вещей; 4) жить пристойно, по корчмамъ не ходить, не забавляться картами, костками и „никакими легкими забавами“, потому что отъ такой-то жизни пастырей многіе православные, особенно шляхтичи, соблазнившись, ушли „до невѣрныхъ сектъ и чужихъ паствискъ“ 5) не выхлопатывать привилегій на владѣніе церковію себѣ и своимъ потомкамъ ни отъ короля, ни отъ владыки, „ку одедиченью своему тое церкви“, потому что храмъ основанъ на землѣ, принадлежащей не священникамъ, а на собственной землѣ прихожанъ, купленной на ихъ деньги, и построенъ на ихъ счетъ и за ихъ стараніемъ.— Если священникъ нарушитъ хотя одно изъ этихъ условій, то вольны

прихожане отослать его отъ церкви и выбрать другаго, кто имъ понравится. Священникъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не долженъ обращаться ни къ какому суду съ жалобами на своихъ прихожанъ.

Уже и изъ приведенныхъ договоровъ видно, что распоряженіе церковнымъ имуществомъ находится въ рукахъ прихожанъ. Они ежегодно избираютъ двухъ шафаровъ (экономовъ) къ церкви; шафары ежегодно даютъ отчетъ собранію всѣхъ прихожанъ; имъ же сдаютъ на руки деньги, которыя и вручаются новоизбраннымъ шафарамъ, и получаютъ отъ нихъ квитаціонные листы, которые заносятся для вѣрности въ магистратскія книги (см. квитанцію, данную прихожанами Спасской Соборной церкви гор. Могилева, въ Т. VIII, стр. 300).

Закончимъ опять совѣтомъ, чтобы Витебское изданіе, безспорно обогащающее науку новыми данными, было разборчивѣе въ выборѣ актовъ для печати и экономнѣе при печатаніи тѣхъ, которые выбраны.

М. Владимірскій-Будановъ.

Кіевъ
1878 г.
апрѣля 2.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1878 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Въ университетской типографіи.

